

МАТЬ
И ДАВНОСТЬ

современная проза

В. ЧЕШИХИН

16+

Василий Чешихин

Мы идиоты

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Чешихин В.

Мы идиоты / В. Чешихин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Современное мышление и рассуждения о многих переменных в жизни героя, которые позволили ему сделать вывод, что мы - идиоты.

Итак, мы – идиоты!

Не все, конечно, а лишь те, кому эта история посвящена. Я среди них, бесспорно, самый большой, поскольку эта дурацкая мысль пришла ко мне в голову раньше всех. Теперь, бросая назад мутный от алкоголя взгляд, мне легко делать подобные оптимистические заявления. Однако нужно было прожить все эти последние месяцы, чтобы так взять и просто подобное заявить. Заявить без горечи, без сожаления, без хвастовства, а просто так, лениво потягивая отвратительную коричневую жидкость и блуждая безразличным взором из окна автобуса. Но тогда все было иначе. Тогда я был уверен, что делаю самый важный и правильный шаг в своей жизни. Жена меня не понимала, как и друзья. Скрыв внутреннюю досаду под уничтожающей ухмылкой, я упорно стоял на своем. Они доказывали, что я не прав. Я не слушал. Мне бы той осенью мои сегодняшние мозги...

Темная стеклянная коробка «Шереметьево-2» стояла под морозом неделю непрекращающегося дождя. Склизкая пленка мороси размывала очертания окружающих предметов и создавала настроение, подходящее только для осознанного самоубийства. Подъезжающие к зданию машины выплевывали из себя спешащих скрыться под спасительной крышей возбужденных пассажиров и провожающих. Грязные обшарпанные советские легковушки и рейсовые «Икарусы» перемешивались с блестящими иномарками. Стороннему наблюдателю картина могла показаться фантазмагорией. Будто оборванцы-нищие и сияющие миллионеры решили пойти куда-то единым строем. Когда-то давно весь аэропортовский комплекс задумали как островок подражания Западу. Получился он достаточно чахлым. Но в те ушедшие годы, про которые мы сегодня вздыхаем, здесь было подобие машины времени, переносящей в другие времена и измерения, блиставшие в розовой дымке недосягаемого. Билет на нее доставался мало кому, и те, кто «ТАМ» побывали, становились в глазах людей категорией особо избранной. Про них говорили: «Он был в загранице!» – и больше ничего добавлять не надо, лишь понимающе покачать головой. Сегодня все уже иначе. Дождем и непогодой провожает отбывающих ноябрь 1992 года. Уже пять лет, как рухнул «железный занавес». «ТАМ» побывали миллионы и успели порядком подражочароваться.

Сейчас едут работать, отдыхать, в гости и насовсем, едут просто так, в поисках острых и иных впечатлений, влекомые всякими мечтами. Сейчас аэропорт является последним напоминанием улетающим о буйстве красок и сумасшествии контрастов убогости и шике, царящих в России.

Алик, сооротив «делового» своей рязанской физиономией, подвез нас на Мерседесе, на котором уже третий месяц шикует по Москве. Доллар за коляску, комментарии получателя денег по поводу моей скупости – и мы погружаем все свои шесть чемоданов и двигаемся к зданию.

Двое суток шла изматывающая душу борьба между мною и моею уважаемой супругой. В ее итоге, ценой огромных и невозполнимых потерь для моих восприимчивых серых клеток удалось сократить гору вещей в три раза. Однако, этого оказалось все равно мало. Все решил лишь один аргумент. Пришлось пообещать ей, что просто выброшу остальное по дороге, если спина начнет разламываться. На это мне резонно отметили, что живем-де не ради спины, а без трусов и в Германии далеко не убежишь. Что до меня, так скорее с этими трусами до Германии не добежишь!

Хмурит чело молодое мой друг дорогой Алик и все не хочет меня отпускать, продолжает уговаривать остаться, откалывая занудные шуточки и мямля что-то своим сиплым баском:

– Ну, хорошо, братва! Я вас через неделю здесь встречаю. Ящик пива обеспечен! По рукам? – он хитро подмигнул. – Там в Германии мы чуть-чуть, отдохнем и назад! Ну, правда? Скажи!

– Неделька-две, год-два – больше одной жизни и одного дня не протяну: тяжело, – ухмыляюсь ему в ответ и морщу губы в притворном разачаровании.

– А почему еще одного дня? – удивилась Катя.

– Пока гроб не закопают, – ладонь показала по воздуху крышку, которой его закрыли.

– Не паясничай, – рука друга неуклюжей лаской легла мне на плечо. Мы с тобой не один день знакомы, не одну кашу заварили и не одну расхлебали. Брось киснуть! Работы навалом! Ну что тебе? Еще год-два! Разве впервой? А? – он опять с доверчивой надеждой в глазах посмотрел на мою наглую скучающую физиономию.

Его галаза в прежней жизни определенно принадлежали преданной собаке. У меня даже сердце противно защемило, как в них посмотрел. Я опустил взгляд и твердо повторил опять.

– Нет, Алик. Я решил. Ты знаешь: я упрямый. Если что в голову влезит, то два раза передумать не стану. Устал я от этого дерьма, – голос стал раздраженно дрожать. Это плохой признак, значит нервы уже на пределе, черт бы их взял и сам с ними мучался!

– А что, там – хорошо? – прозвучал риторический вопрос, заданный уже, наверное, сотый раз за месяц.

– Хорошо там, где нас нет, Алик. Так что через пару минут в Москве тоже благоденствие настанет, раз я ее покидаю, – его светлое чело неожиданно озарилось надеждой, что мои слова и вправду сбудутся. Я рассмеялся. – Но ты особо не надейся и покупай противотанковые мины, они у вас вот-вот в дефицит перейдут! А я не хочу пробовать еще раз здесь. Ты знаешь, что я всегда мечтал иметь офис в небоскребе.

Он усмехнулся, и я тоже. Самому смешно: офис! Какой теперь к черту... Объявили наш рейс. Мы обнялись на прощание и понимающе посмотрели друг на друга.

– Бывай, – сказал ему напоследок и отвернулся, чтобы не заметил он тень тревоги и, главное, страха, подловато пробежавшую по моему лицу.

Держа одной рукой Катю с Машей на руках, а другой подталкивая коляску с чемоданами, твердо пошел дальше, вперед. На душе кошки проскребли дырку.

Оглядываться не стал – незачем. Знал, что он стоит и машет мне рукой – одинокая фигура с добрым лицом, моя последняя ниточка в уходящее бурное прошлое, которая порвется за поворотом корридора. Прощай! Может ине увижу тебя никогда, мой старый и верный друг, а если и встретимся раз, то будем совсем другими, лишь Бог знает какими...

Летели мы нормально, размазанные по мягким креслам и посвящающие себя каждый любимому занятию. Дочка Маша не плакала, но старалась достать всех вокруг. Катя делала вид, что пытается отдохнуть, но ее беспокойный характер не позволял этого сделать.

Первый класс «Люфтганзы» – это последняя роскошь прошлой жизни, которую, смачно плюнув, позволил я нам. Если машина рухнет, то последние секунды жизни удастся прожить с радостным сознанием своего превосходства перед несущимися в ад в условиях второго класса. Теперь, сидя в полупустом салоне и лениво пережевывая вторую порцию обеда, разбираю ворох старых и новых мыслей, которые лезут вразброд, как червяки из всех извилин мозга. Тщетно попытавшись порасталкивать их по полкам или хотя бы вернуть назад в эти извилины, я сдался и стал думать лишь о еде – единственном способе расслабить мозги.

– Катя! Чего мы ели на дне рождения у Гарика, ты помнишь? – с чувством легкой утомленности жизнью и выражением глубокого пренебрежения ею бросил я яблоко раздора, так как хотел поразмяться легкой бранью с супругой.

Она еще не сообразила в чем игра и промычала в ответ, лениво отмахнувшись рукой.

– Отбивные свинные.

– А когда на той неделе мы с Антошей пережрали, мы пили «Карлсберг» или что? – я довольно улыбнулся в сторону иллюминатора, ибо знал, чем ее достать.

– И «Карлсберг» и водку и другое дерьмо, – начала накаляться она не только внутренне, но и снаружи, что выразилось в повышенной окрашенности щек. – Ты всегда пьешь и ешь одно и то же, с одними и теми же, и вы всегда ужираетесь, как свиньи, – она резко откинулась на спинку кресла и сердито расправила кофту, ставя точку в разговоре.

Э-эх! Грубо сказано, но с долей правды! В этом не откажешь! Вот нормальная реакция нормальной жены, давно перешедшая с эмоционального уровня на автоматический. И говорит она скорее по привычке, чем по необходимости.

Песня, вообще, старая, как наша совместная жизнь.

Вот они кривят малопоучительные гримасы: Антоша, Гарик, Денис, Сергей – все мои старые друзья еще со школы. Все мы родились в похожих интеллигентных семьях, где люди бьются об жизнь, как рыба об лед. Как и во все эпохи, наше бурное время раскидало нас по разные стороны жизни. Гарик учится в медицинском. То там, то сям спекулирует по мелкому, или пытается себя в этом убедить. Сергей попал в армию, и вместо веселого и жизнерадостного балагура назад вернулся мрачный с отсутствующим взглядом человек, не находящий себе места. Денис на пятом курсе уже первоклассный програмист, зарабатывает больше своих родителей. Антон – активист во всех возможных патриотических движениях, во внепатриотические часы занимается по совместительству рэкетом, причем на этом порище он – убежденный интернационалист.

Но, несмотря на все эти личностные причуды, мы продолжаем дружить, хотя и препираемся порой за ящиком пива. Впрочем... теперь я из этой компании выбывал. Первым записался в предатели и покидаю тонущий корабль. Противно, но мое понимание ситуации этому уже не поможет, даже если я останусь...

Экс-кооператор, экс-бизнесмен и экс-звезда в своем кругу, лечу рейсом Москва-Франкфурт из идиотского прошлого в темное будущее. Настоящим был шоколадный десерт, который я сосредоточенно уничтожаю, стараясь быть полностью поглощенным этим процессом. Ложка со знанием дела скользит по стенкам банки, схватывая податливую кашицу.

Что меня ждет, я не знаю. Думать о том не хотелось...

Вскоре самолет окутала белая пелена облаков, и по заложенным ушам стало понятно, что мы снижаемся. Впереди – Франкфурт и судьба, которая призвана изменить жизнь. Мы приземлимся, и в нашей биографии откроется новая страница! В самолете я еще искренне уверен, что это будет борьба. Драка, война руками, ногами, зубами и головой за маленькую штучку, этакую небольшую зеленую картонку с черным отштампованным орлом, имя которой – немецкий паспорт!

Нужно начинать волноваться? Вглядываться в новые дали? Спешить выяснить, что же бывает там впереди? Ау! Посмотрел в иллюминатор, но увидел лишь сплошное белое ничего – просто как в жизни.

Наш клуб идиотов начинал собираться.

Глубокая декабрьская ночь в Польше с сильными заморозками вряд ли располагает к прогулкам по лесу. Морозец прихватывает за разные части тела. Лес застыл и угрюмо молчит, обиженный на холод. Казалось все замерло до ближайшей весны, сжавшись от страха перед неприветливостью зимы. Но вот, размеренное зимнее раздумье сбросивших листву деревьев прервал треск хрустнувшей под неуклюжими ногами хрупкой ветки.

Людей была целая группа. Они ставили ноги так осторожно, будто передвигались по хрусталу и явно направлялись в сторону той речки, что уже сорок семь лет надежно разделяет Польшу и Германию.

Большинству из них на вид лет двадцать-двадцать пять. Лишь поджатые губы выдают детскую отчаянную решимость нашкодить, а ангельские глаза полны пустоты. В руках почти нет груза и одеты они заметней легче, чем нужно в это время года. На них, согласно последним всхлипам российской моды, напялен джентельменский прикид современного молодого человека: польские джинсы и китайские кросовки с куртками. Вещи не очень затрепанные, точнее, они даже почти новые. До сегодняшнего дня их использовали только на выход.

Среди идущих выделяются двое парней, с ними три девушки с бледными лицами, на которых застыло безразличие. Высокая блондинка несет на руках ребенка лет трех.

В полном молчании: прохлада, видать, рот сковала, подошли они к реке и остановились. Один, которого можно принять за главного, сказал по-русски, но с легким южным акцентом:

– Здесь! Дальше мокро! Снимайте с себя ботинки. Стягивайте юбки, брюки, кофты. Всю одежду нужно в узел вязать и держать над головой. – В голосе звенела сталь «настоящего мужчины». – Вика, давай Юлю сюда.

Широким и наигранно деловым жестом парень вытянул из-за пазухи бутылку водки и налил девочке в рот немного жидкости. Она встрепенулась и пронзительно завизжала, но Вика

ее быстро успокоила. Та почти немедленно уснула, опьяненная алкоголем. Хотя температура воды на первый и на второй взгляд и не лучшая для купания, но все начинают раздеваться с явным намерением искупаться. В душе каждый уже проклял себя и мысленно побился головой о стенку за то, что решил поддаться на уговоры Альфреда старшего, и поехать сюда из самого Владикавказа, из Осетии, через Россию и Польшу, а теперь еще и лезть по воде в такой холод.

Непосвященный может искренно подумать, что это – группа контрабандистов или сумасшедших. Но не стоит зря переживать и утруждать свои мозги. Они ни те и ни эти. Определение таких людей хорошо известно и жителям и полиции по обе стороны Вислы, потому что в этих местах они порядком поднадоели. Это – азиюлянты! По слогам: а-зию-лян-ты – те, кому эта история и посвящена.

Идут они в Германию искать лучшей жизни. Пограничники придумывают всякие ухищрения, чтобы не дать им пройти, буквально из себя выходят. Но те, гонимые не только мечтой увидеть Запад, но и примером других, ухитряются обходить все препоны и прорываются в страну их мечты.

Дрожа от холода на другом берегу так, что вокруг отчетливо слышен перестук молодых крепких, еще не искусственных зубов, все быстро натягивают на себя одежду, которую, правда, уже успели подмочить. По кругу идет бутылка водки, открытая еще на той стороне. Ее весело приветствуют. Даже девушки глотают так, как только и можно пить этот истинно русский бодрящий напиток: из горла. Палящая горло жидкость, согревает все тело и, главное, душу от страха и холода.

– Ну, теперь все! – громко и уверенно говорит Альфред. – Нас могли только поляки остановить. Немцев здесь нет, – он подергал лицом, пытаясь сотворить выражение собственного убеждения. – Да и, вообще, они ночью спят, эти немцы. Чтобы днем хорошо работать, нужно ночью хорошо спать закон капитализма. У них по ночам границу нелегально переходить пограничник запрещает, так как он спать должен и ловить не может.

Ему ответили дружным смехом и отправились в путь быстрым шагом, стараясь согреться на ходу. Через полчаса компания добралась до маленькой деревеньки. Белые домики выглядели ухожено. Улочки стояли в тишине.

– Ой как красиво! Все прибранно! – воскликнула восхищенно Лена, широко открыв глаза от восторга.

Альфред махнул рукой.

– Да нет. Здесь ГДР еще. Вот на западе, там и вправду все класс! – он в Германии уже в шестой раз и во всех «немецких» вопросах известный авторитет. – Теперь я еще повторю, что к чему. Мы отсюда на поезде доезжаем до Геры, там у меня стоит машина. Оттуда на ней мы доедем до Франкфурта. Если нас в дороге где-то остановит полиция, то мы просим азиюля. Повторяю для идиотов: А-ЗЮ-ЛЯ! В поезде ведите себя спокойно, не дергайтесь и не трепыхаетесь, делайте вид, что вы – туристы. Эдик, где деньги?

– В подошве, – пробухтел второй, толстый увалень, с плоским, как блин лицом и с посаженными где-то близко к затылку глазами.

– Вытаскивай! – Альфред посмотрел на него пренебрежительным взглядом. – Мы за дорогу башляем. Если нас поймают контролер, то нехорошо будет.

Группа тронулась к вокзалу. Часы показывали четыре утра, и они старались идти тихо, не разговаривая. Если услышат шум или русскую речь, то позвонят в полицию. Местные бюргеры знают, кто в этих местах говорит по-русски в подобное время суток. Естественно, они считают своим долгом выдавать искателей приключений полиции.

Поезд отправлялся в пять. Они купили билеты и сели в вагон, притихнув, как испуганные куры на насесте. Их никто ни о чем не спрашивал. Через час контролер посмотрел талоны и ничего не сказал.

– Теперь, – важно выступал Альфред, приняв победно-величественную позу и покачивая головой в такт своим философствованиям – у нас все будет! Никаких проблем! Германия – это не Россия! Здесь в магазинах столько товара, что никто не обращает внимания, когда ворует! Мы себе еду только так доставать будем. А что дадут пособия или если заработаем, так отложим: потом на машине назад поедем!

Компания слушала, недоверчиво-очарованно глядя ему в рот. А он дальше рассказывал о том, как вскоре будет круто.

– Да и это все ерунда! Если повезет, так мы еще и по видуку вытащим! Да что там по видуку! Нормальные люди здесь на одежду не тратятся. Только немцы-дураки деньги платят. А так – нет проблем! Пошел в магазин, там в примерочной под одежду засунул что или просто новое на свое старое поменял и пошел.

Рассказы ни для кого новостью не были. Но теперь, когда Германия лежала не в туманной дымке, а катилась под колесами поезда, романтика предстоящих приключений сжимала сердце и будоражила мозги...

Поезд шел вперед. Впереди – Франкфурт.

Рига – независимая столица независимого государства, свободного стараниями своих граждан. Независимые латыши заслуженно считают своим подлинным достижением закрытие ОВИРОВ и открытие турагенств, которые всего лишь за мизерную плату, долларов этак за 160, делают паспорт, визу в Германию и билет на автобус до Берлина. От нее, от столицы, автобусный рейс Рига-Берлин медленно, но верно продрался через молодую, но уже крепкую латвийскую границу, и теперь второй день стоит перед Польшей.

Объединенные общим несчастьем – счастьем поездки в Германию, пассажиры мирно сидели весь первый день, не высказывая неудовольствия. Но уже на вторые сутки, когда радость путешествия за границу померкла с окончанием продуктовых запасов, люди стали роптать. Смертельно уставшая старшая группы, лет пятидесяти, в девятый раз объяснила, что уже заплатила двести долларов, и пограничники обещают вечером приступить к досмотру.

– За двести долларов нас только в Белоруссию пустят, – прозвучал звонкий, но срывающийся голос в середине салона.

Сидевшие засмеялись. Замечание пришло от худощавого, светловолосого парня лет восемнадцати... Он сидел рядом с другим, высоким с копной черных волос. И тот и другой

одеты в похожие и давно отжившие свой век левисовские джинсы и пуховые куртки. Они едут из Риги и успели познакомиться. Высокий, которого звали Леня, по пути к своим знакомым, живущим уже два года во Франкфурте, а второй хочет куда-то в Гамбург.

Они были самыми молодыми из нашей будущей компании. Их не обеляла седина прожитых лет, морщины опыта не испещряли лица, и груз семьи не болтался позади бесплатным придатком. Они были самыми наивными, самыми восторженными и, конечно, полными идиотами, как и другие члены нашего клуба. Но при этом им предстояло стать жизненной энергией для все окружающих.

– Юра, чего ты забыл в том Гамбурге? Поехали со мной! Во Франкфурте хорошо! – детским басом убеждал высокий светлого.

– Я хочу там работать – упрямо капризничал второй, как ребенок, которому и вправду хочется, но нужно поломаться.

– Какая разница? Эти мои знакомые помогут с работой в этом Франкфурте.

Их разговор прервали. Из глубины салона, аморфно переваливаясь на толстых ногах, подплыл человек в новых джинсах, красной куртке и с типичным лицом торгаша. Таких мы привыкли видеть везде и повсюду. Символ наших дней, он все купит все продаст, во всем разбирается, как истинный специалист.

– Мужики, плеер продаете, – указывая на магнитофон, висящий у Лени, спросил он безразличным голосом, характерным для людей его профессии, имя которой – СПЕКУЛЯНТ.

– Нет! – заинтересованно ответил Леня. – А сколько дашь?

– Да пять марок, – тот скучающе отвел взгляд за горизонт, будто ему разговор наскучил еще до начала. При этом он продолжал наблюдать за реакцией собеседников всеми рецепторами.

– Поищи кого! – Леня усмехнулся.

– А за сколько ты хочешь? – пренебрежительно спросил «спекулянт».

– За водку. Пять бутылок.

– Могу дать две, – покупатель повертел перед собой пятерней, внимательно что-то на ней выискивая.

– За три.

– Ну ладно, так и быть, – мужик заметно оживился. – По дружбе отдам.

Через минуту бартерный обмен произвели, и обе стороны, довольные своей оборотистостью, отправились наслаждаться приобретениями. Еще через час Леня уговорил-таки Юру ехать с ним во Франкфурт, вместе с этим они вдвоем уговорили и пару бутылок.

Поздно вечером пограничники быстро осмотрели паспорта и багаж. Автобус пошел дальше. На следующий день на польско-немецкой границе молодой с деланно-серьезной миной парень в зеленой форме долго разглядывал у всех визы, и потом рейс пошел наконец на Берлин. Юра и Леня поедут оттуда дальше на Франкфурт.

Чопский вокзал шумел разноголосую толпой. Эта станция связывает бескрайние просторы бывшего Советского Союза, в смысле нынешнего СНГ, с Чехословакией и Венгрией, а через них и со всей Европой. Сегодня здесь можно встретить не только жителей приграничных стран, но и тех, кто прибыл с другого конца глобуса. У них мало общего. Они родились, росли и жили по разному. Но сейчас их объединила одна цель: они едут на Запад! Туда, где уже остались их родственники и знакомые, или они просто от кого-то слышали о сладкой жизни там и теперь спешат урвать свой кусок заграничного пирога.

Среднего роста мужчина, очень худой, седой, с чеховской бородкой пробивается сквозь толпу к поезду. Одет он в выдавший виды кожаный плащ, за спиной болтается рюкзак, а в руке – дипломат. Имя человека – Борис Юрченко.

На лице его застыла озабоченно-сосредоточенная маска. Занят он тяжкими думами. И о том, что уже стоит одной ногой в клубе идиотов, никакого представления не имеет. Он будет нашим кладезем знаний. При внешней алчности, самый добрый среди нас и и самый ранимый.

Всю дорогу из Полтавы сюда думал он о своем плане. Оставив дома жену и дочку, поехать в Германию на занятые двести долларов. Работать там по-черному. Оттуда мечты влекли в Италию и во Францию. Визы были припасены. Сейчас, когда поезд тронулся, Борис еще раз подавил в себе возникшую вновь мысль, что что-то сделано неправильно.

Состав шел до Праги. Дальше автобус до Франкфурта, где уже полтора месяца живут знакомые Бориса. Немецкий пограничник, через два дня пропустивший рейс Прага-Франкфурт, выглядел очень устал. Было уже около четырех утра, и ему нетерпелось закончить смену.

– Schnell! Schnell! (Быстро! Быстро!), – крикнул он водителю и махнул рукой, чтобы тот проезжал. Есть у людей визы или нет у людей виз это его волновало не больше, чем война в Руанде или марсиане на луне. Борис всего этого не видел, как, впрочем, и другие пассажиры. Автобус шел на полной скорости во Франкфурт на Майне. Он спал и видел возвышенные сны.

Мерный свет заливал угол в ресторане «Чайна», где стоял наш столик. Мои глаза внимательно смотрели на вилку, куда только что нанизался большой кусок кальмара. Медленно погрузив его в соус, я хорошенько его там вымочил. Вытащив нуружу, осмотрел и положил себе в рот, после чего сделал большой глоток прозрачно-белого Мартини. «Сказать честно, кальмар, если его поджарить без приправ, совершенно безвкусный. Он хорош лишь в оболочке, в которой его следует варить в масле с достаточным количеством соли и перца. Потом обмакнуть жареную бестию в соус с лимонным соком и есть. Но вкус будет просто не полным, если не запить его рюмкой белого. Впрочем, можно и Мартини, но это – лишь мое капризное извращение. Или можно поступить и проще: взять много пива из лучших сортов и просто закусывать его кльмарами», – вот единственные мысли, занимавшие мою голову в этот час. Я им искренне предавался, не беспокоя ни себя ни других ничем более низменным.

Потом кальмары наскучили, потому что все без исключения переместились с тарелки в желудок. Можно было переключить внимание на Катю. Она оживленно разговаривала с Сергеем – моим другом, не забывая, правда, отдавать должное и роскошно сервированному столу.

Мы прилетели в двенадцать дня по местному, и яркое солнце приветствовало наше авантюрное появление. Меня поразила громада Франкфуртского аэропорта, огромная масса людей, собравшихся здесь по пути во все страны мира. Даже сложно сравнить свои впечатления. Один друг, бывший в Нью-Йорке, как-то описал вокзал Гранд Централь, назвав его большим Киевским вокзалом в Москве, только увеличенным в пять раз и ужасно грязным. Но я бы не сказал, что здешний аэропорт – это просто пять «Шереметьевых». Весь комплекс – это город. Тут и магазины и рестораны и кинотеатры и дискотека и многое другое, причем на свежий взгляд совершенно не нужное утомленным долгим перелетом пассажирам.

Сережа нас встретил и отвез в один небольшой отель, хотя, говоря откровенно, небольшой лишь отель, а цена вполне не маленькая. Самого Сергея я знаю лет с шестнадцати. Он уже шесть лет в Германии и, несмотря на это выглядит вполне сносно.

– Скажи мне Сережа, пожалуйста, что-то! – я оторвался от ленивого созерцания и решил придумать и ему вопрос на доставание. – Когда мы сегодня прилетели, то после пограничников попали сразу в общий зал встречающими и провожающими. Так? И только потом я спустился куда-то получать свои чемоданы, и там уже и была таможня. То есть все, что через таможню перенести нельзя, я оставлю в главном зале?

– Паша, если ты будешь в Германии задавать себе и другим вопросы типа «почему», то тебя надолго не хватит, – он хитро улыбнулся. – Это вы в вашей перестройке или что там у вас, ко всем пристааете «Почему?». У немцев раз сказали, значит так надо, – его указательный палец подчеркнул безапелляционность этого совета.

– Ты уже опытный немец, тебе виднее... – я лениво откинулся на спинку стула.

– Не морочь мозги шайзем! – Тут мне впервые довелось услышать слово, употребляемое в этой стране через каждую фразу, а означающую всего-навсего «дерьмо». – Расскажи, лучше, что ты делал все это время.

– А что я делал? Один шайз, как ты говоришь... – рука махнула на все, что я делал. – Поступил, вот, в институт. Женился на Кате, своей сокурснице. Через год бросил этот... шайз (слово сходу пришлось по вкусу) с учебкой к чертовой матери.

Я нудно и вызывающе пояснил вводную часть и глотнул вина, чтобы не дать себе заснуть из-за одолевавшей скуки от бесполезного перечисления совершенных за последнее время глупостей.

– Понимаешь, наше время рождало события, успеть за которыми можно было лишь думая, как компьютер, принимая решения на месте и постоянно везде и во всем дерясь, не останавливая хода мыслей на ерунде. Как паровоз: включился и попер, впере-е-ед! Все это, если хочешь, то, о чем я мечтал: делать деньги, – очертив пальцем в воздухе доллар, объяснил, о каких именно деньгах речь. – Чистые, грязные, заработанные, украденные не важно! Кооператив – шили майки. Потом возили из Турции и Польши партии всякого дерьма, которое в нормальном мире стоит доллар за тонну. Затем переключились на медь и руду. Я снимал

шикарную квартиру у метро «Маяковская». Денег не считал. Врагов приобрел еще больше, чем потерял друзей. И когда однажды ошибся, то все на этом и закончилось. Пуф!.. Продал все, что мог, и решил начать заново, но не там, в Москве, а здесь. И начать с нуля, так как кроме него ничего не имею.

– И что ты хочешь делать сейчас? – мне кажется он и вправду стал мне сочувствовать... Терпеть не могу.

– Не знаю... Это – главная проблема! Остаться, выучить язык, понять обстановку.

– Короче, пришел, тепрь надо увидеть – может победишь. Так, что ли?

Бог знает, что ему сказать. Тут и себе ответить не просто. Я медленно, со знанием дела, намечаю глазом, как разрезать свиную отбивную, и в глубине рта уже ощущаю вкус, представляю, как рюмка коньяка последует за первым куском, отрезанным так, чтобы на нем было и немного сала. Подношу к носу вожделенное мясо. Важно почувствовать запах блюда – это не только улучшает пищеварение, но и придает пище вид ритуала, превращая ее из обычного пожирания в осознанный процесс.

– Знаешь, я как всегда, не помню кто, но один умный человек сказал, что Бог не требует от тебя побеждать, он лишь ждет от тебя попыток.

– Ну что ж, тогда нужно делать попытки, – мой друг одобрительно посмотрел на мою рожу. – Когда ты хочешь просить азиюль, в смысле убежище?

Я некультурно зевнул, расслабленный обедом.

– Как только, так сразу. Завтра – воскресенье, понедельник – день тяжелый, вторник в самый раз.

– И ты уверен, что стоит рисковать всем, что ты можешь иметь у себя там, ради этой бумажки, о которой ты грезишь наяву и во сне? – вопрос на всякий случай. Наверно чтобы потом его не обвиняли, что он затащил.

– Хорошо называть немецкий паспорт бумажкой, когда он лежит у тебя в кармане! – не в обиду ему сказал я. – Вот когда в кармане лежит серп с молотом – считай что фига, так тут подобная мелочь вырастает до невероятных размеров. Я, знаешь, дорогой мой, свободы хочу. Не свободы выйти на Красную площадь и сказать, что Ельцин – дурак. А свободы по первому желанию левой ноги положить в карман ту презренную зеленую бумажку и лететь, куда вздумается. Не помнить о визах, не помнить, что это стоит столько, что не могу себе позволить...

– Здесь это тоже денег стоит...

– Здесь есть возможность их заработать! А у нас, чтобы кто-то мог на Майорку слетать, до него должно пару-тройку поколений его предков трудиться и во всем себе отказывать.

– Ну Бог с тобой. Я думал, что тебе паспорт нужен, а ты на Майорку хочешь...

Мы чокнулись.

По центральной улице Франкфурта – Циель шли развязной походкой отдыхающих бездельников Юра и Ленья. Уже неделя прошла с тех пор, как они приехали в Берлин, имея в кармане целое состояние: сто марок и бутылку водки в сумке с немногочисленным багажом. Там же, не купив билет, потому что не хотели они сели на поезд до Франкфурта на Майне. Признаться честно, если бы и хотели, денег бы все равно не хватило. Им повезло, и путешественники докатили до самого Касселя, четыреста километров, пока не пришел контролер, точнее контролерша. Их судьба была predetermined с полицией, штрафом и скандалом. В Германии с безбилетниками, если их ловят, то долго не разговаривают, а просто предлагают провести милую беседу с полицейским. Но контролерша попала молодая, может и неопытная, но, что точно, ее купил своим видом Ленья – высокий и статный красавчик, мило улыбающийся. Отделались, короче, ребята ста марками штрафа, и высадили их на маленькой станции.

Провели ночь под вышкой высоковольтки. Не была их ночевка ни теплой ни сухой. Еды осталась лишь бутылка водки, ее и пили, ею и закусывали.

– Я в армии в морпехе был – продолжал свой монолог Юра. – Сержантская школа, потом сразу отделение дали. Было хорошо, подходишь к молодому и говоришь что-нибудь. Он идет и делает. А если нет, то дам в скворечник.

Ленья молча покачал головой. Воспитанный в городе, где жили одни латыши, он привык больше слушать, чем говорить. Пока же все больше хмурился, пытаясь собрать в голове полезные мысли, но они все куда-то подевались.

– У меня со всеми лейтенантами были лады – продолжал повесть про былинные героические подвиги своей жизни Юра. – Один только козлом оказался. Я строй поставил, а он ко мне с сапогами пристал, что не чистил. Ну я ему, мол «иди ты...» Ну а он мне: «Сержант, к прапору за колом бегом марш!» Я бегу, а в голове глупые мысли: «На фиг ему кол? Что он им будет: по голове лупить?» Я принес, а он мне: «Копай колом от забора до полудня!» Дурак! Юра плюнул в сердцах.

Потом потянулся, пошел к дереву, спас его от засыхания, оправившись, и продолжил.

– Я перед армией в Голландии слесарем работал. Я у хозяина важным был. У него часто русские трейлеры чинились. Я по ним все знал, а голландцы ничего. Он мне много платил – голосом бывалого человека похвастался он своему безмолвному слушателю.

Ленья ухмыльнулся. Он уже все это в пятый раз слышал. Ему надоело, но других собеседников не было, и лучше такой, чем никакого.

На следующий день они дошли до автобана, к большой заправке и там стали ловить попутную машину. Автостоп на немецких шоссе распространен, и четыре часа усилий увенчались успехом. Еще через четыре часа их ссадили на северной окраине долгожданного города, предоставив брать свою судьбу за ее рога. Если получится...

– Ну! – Юра с нетерпением посмотрел на своего спутника.

– Что – ну? – добродушно ответил тот.

– Куда идем? – «бывалый» мелко дрожал и подергивал поочередно разными частями тела от напряжения встречи с обещанным светлым будущим.

– Ну я не знаю...

– Где твои знакомые?

– А! Я забыл. Сейчас – Леня полез в карман за кошельком, где лежал адрес. В куртке его не оказалось, в штанах тоже, не было его и в рубашке.

Стоял вечер. Они шли по улицам незнакомого города, к которому так стремились. Его можно было пощупать, но совершенно определенно нельзя было положить в рот, чтобы наполнить пустой желудок. Серые дома мрачными гигантами наступали со всех сторон. Далеко осталась Рига. В Берлине и Касселе, когда их ссадили с поезда, они знали, куда едут, а сейчас?

– Как ты мог? Как ты думал? Почему не записал на второй бумаге? истерично кричал срывающимся басом Юра.

– Я записал.

– И где она?

– В кошельке.

– Ну идиот! Ну идиот! Мы два дня не ели и, когда будем, не известно. Ну идиот! – десять раз повторил Юра и в отчаянии стукнул кулаком по ближайшей стенке. Это не помогло. – Ну идиот!

В этот момент его голову осенила идея и голос заметно отвердел, вспомнив армейское прошлое.

– Все! Я иду в полицию! Виза у меня все равно закончилась. Я не имею права здесь быть! Они должны нас из Германии выгнать, а сегодня нас в камеру посадят и дадут поесть. Я иду в полицию, пусть они меня назад отправляют.

Идея действительно казалась заманчивой, а главное, единственной. Навстречу показался человек. Юра к нему подбежал, схватил за руку и на ломаном подобии английского спросил:

– Ну, где тут полиция, полиция где тут?

Прохожий долго вникал, а потом, догадавшись, кивнул в правую сторону. Участок оказался в трех минутах ходьбы. Они постучались и вошли вовнутрь.

– Извините – начал браво Юра, с общего согласия вызвавшийся быть переводчиком.

– Подождите минутку – ответил офицер и пошел наливать себе кофе. Зазвонил телефон, он ответил. В эту минуту вошел другой.

– Можно я... – опять принялся Юра.

– Сейчас.

– Проклятье! Проклятье! – Юра почти кричал и собрался ударить по деревянной переборке, однако потом передумал.

Наконец, первый полицейский оставил телефон и подошел к ним.

– В чем проблема?

– Виза плохая – авторитетно заявил Юра и протянул паспорт, в котором и вправду значилось, что с визой проблемы.

– Плохо – ответил полицейский, мельком взглянув на паспорт. – И что?

– Виза совсем плохая! – с истерикой в голосе повторил опять Юра.

– Плохо. Вам нужно продлить ее в понедельник.

– Что? – спрашивающими глазами он посмотрел на служащего.

– Завтра вы должны взять новую, – повторил полицейский, показав жестом что-то, и опять улыбнулся.

– Что он сказал? – спросил Леня.

– Он сказал, что ее нужно завтра продлить – и добавил, обратившись опять к полицейскому. – Виза плохая, мы лететь назад в Ригу.

– Жаль, счастливого пути.

Они посмотрели друг на друга.

– Полиция должна нас везти в Ригу, – с плачем в голосе почти закричал Юра.

– Нет, нет! – полицейский засмеялся. – До свидания – он отвернулся, давая понять, что все сказал.

Они вышли из участка. Юрин голос по детски дрожал. В эту минуту отчаяния парень был похож на теленка, отбившегося от стада, а не на ветерана морской пехоты.

– Такого не может быть! Они должны нас посадить и дать поесть.

Следующий участок оказался похожим на первый.

– Я потерял все свои деньги, виза конец! – опять заявил, входя, Юра.

Полицейский флегматично посмотрел на паспорт, потом написал что-то на бумажке и протянул ребятам.

– Это документ на сегодня и завтра, – пояснил он, помогая себе руками. – Завтра получите новую визу.

– Но вы не имеете права! – в отчаянии взревел Юра. – Вы нас обязаны отправлять, сажать...

Им помогли выйти.

На улице холодало, часы показывали одиннадцать вечера. Юра плачущим голосом говорил:

– Они – идиоты! Идиоты, дураки, сволочи! Я есть хочу! Пойдем на вокзал.

На вокзале полицейский участок прятался в темном углу. Юра открыл дверь и, войдя, бросил паспорта на стол и выпалил:

– Я потерял свои деньги, у меня нету визы – после этого он с решительным видом уселся на стул и уставился на полицейского.

– Ну и? – ответил тот.

Юра взвыл.

Еще полчаса пытались их уговорить или заставить уйти, но те твердо сидели и уходить не собирались. Когда у полицейских терпение лопнуло, один из них куда-то позвонил, потом взял фуражку и позвал с собой, поманив пальцем.

– Леня, они хотят нас из участка выманить и там оставить! Нет! – Юра дрожа взирал на немцев затравленным взглядом молодого волчонка и крикнул им. – Я хочу в камеру! – покачал при этом для пущей убедительности головой и показал пальцами решетку.

– Идем, идем! Красный крест! – их опять поманили.

Так они попали в гостиницу красного креста. Кормили там, как в ресторане и три раза в день, много колбасы, мяса, фрукты, пирожные. В комнате душ, каждый день свежее белье.

Теперь они шли вдоль торгового ряда и мерно разговаривали. В основном Юра.

– Это магазин мы уже видели, а в том, следующем, «Херти» красивей.

– Но мы его уже три раза видели – Ленино лицо имело кислое выражение как от лимона, хотя на самом деле причиной тому был Юра.

– Тогда пойдем гулять к вокзалу: там порники.

– Нас уже два раза оттуда гоняли, потому что у тебя денег нет. И, вообще, нас в Кресте лишь две недели держать будут. Куда потом пойдем?

– Куда?.. По большому счету мне здесь нравится, в Германии этой. Кормят, поят, не надо ничего делать. Я думаю пока здесь остаться. Ты помнишь, русский нам говорил, что есть какой-то азыль, и туда можно сдаться, там просить убежище, они дают жить в лагере, кормят...

– Тебя в лагере нарядят в робу и будут кормить кашей каждый день.

– Не трепи! Этот мужик тоже на азыле, и говорил, что все там нормально. Я завтра тоже туда поеду, это где-то в городе Швальбах.

Видели ли вы когда-нибудь дорогу на Швальбах?

Нет?

Ничего не потеряли!

На окраине одного из пригородов Франкфурта – Швальбаха, правительство земли Гессен устроило лагерь, где принимает тех, кто по каким-то причинам решил назвать себя в Германии политическим беженцем, а проще говоря азылянтом. Стоит он, отделенный от города автобаном, рядом с бывшей базой американской армии. Приехать сюда можно по разному, но в основном, все добираются до станции городской электрички «Эшборн Зюд». Дальше дорогу знать не надо. Туда идет нескончаемый поток. Сразу понимаешь, кто это. Здесь люди всех рас, спокойно или взволнованно шагающие за билетом в новый мир. Путь лежит мимо величественных зданий Бундесбанка, Комерцбанка, других, не менее уважаемых фирм, названия которых, впрочем, ничего не говорят искателям новой жизни. А фирмачи смотрят на толпу, в свою очередь не понимая, что тех сюда влечет.

Народная тропа подводит к изумительному пейзажу из брошенных барачков, бетонных строений и других сооружений, назначение которых было явно непонятно даже их создателям, иначе они бы постарались придать им более практичный вид.

По этой дороге, покрытой асфальтом и украшенной пирамидами современности, шел человек в кожаном пальто и с дипломатом в руках. Он двигался неспеша, помахивая чемоданчиком и делая вид, будто прогуливается, отдыхая после трудного дня. Станным в нем кажется лишь потрепанное пальто и подозрительно бегающие глаза.

Вдруг, он неожиданно остановился и как бы нечаянно уронил на землю платок. Наклонился, взял его и вместе с ним, правда, совершенно незаметно постороннему глазу, поднял и бычок – большой, сочный, уже третий за утро. Это – был несомненно хороший улов. Его лицо ярко просияло от самой мысли о такой редкой удаче.

Впереди на неровно сложенных блоках сидели два парня и говорили о чем-то. Речь была русская, в основном матерная. Подойдя к ним, мужчина в пальто обратился, слегка смущаясь.

– П-простите, вы не в лагерь сдаваться?

– Да, – кивнули те и осмотрели появившегося субъекта с надменным видом.

– Вы знаете, куда идти? – опять спросил мужчина вежливым голосом.

– Да, – белобрысый кивнул с видом знатока. – Идемте с нами, мы тоже на азиюль. Я – Юра, он – Леня, – представились ребята.

– Я Борис. Борис Юрченко.

Железные ворота забора, окружавшего лагерь, охранялись усиленным отрядом полиции. По эту сторону ворот выстроилась толпа народа, принявшая форму очереди спешившей получить свой кусок свободы за решеткой. Все твердо уверены, что войдя за нее, они уже станут свободными полугаржданами этого государства. По ту сторону шумит толпа уже «освободившихся».

Рядом с воротами пристроился приземистый домик с одним окошком. Туда, в это окошко и опускают приходящие дрожащей рукой свой паспорт. Очередь движется очень медленно. Служащий с добрым лицом, несущим отпечаток общенемецкой любви к приезжающим, берет документ, что-то там в нем долго смотрит, потом кидает к себе в ящик и машет рукой: «Проходи». После чего отходит от окошка с усталым видом и подходит перекинуться с сидящими там же полицейскими парой слов. Затем, вздохнув, возвращается на свой пост, чтобы опять выполнять свою тяжелую и ответственную работу.

К окошку подобрался высокий негр. Его соседи по очереди уже успели понять из отдельно усваиваемых фраз, что он из Ганы.

– Ну! – торопит его дежурный немец своим голосом не терпящим возражения и ненавидящий чужих проволочек. Уроженец Африки стоит и смотрит на него широко открытыми глазами. – Ну! Паспорт!

Тот, опомнившись, дал паспорт. Служащий рассмотрел его и бросил в коробку.

– Заходи!

Негр входит. Перед ним расстилается большой двор, переходящий в улицу, вдоль которой стоят разного рода и вида строения, напоминающие концлагерь. Видимое в открытые окна неисчислимое количество задействованных компьютеров создают неожиданный контраст с первым впечатлением и успокаивают: здесь как минимум, компьютеризованный концлагерь.

– Ждать там! Ну, давай, быстро пошел! – один из полицейских машет неопределенно в сторону отдельно стоящего здания. Рядом в будке заливаются лаем три овчарки, раздражаясь совершенно демократично на представителей всех рас.

Внутри большого двухэтажного здания находится огромный холл, от которого во все стороны расходятся многочисленные коридоры и кабинеты, в которых прячутся работники. Он плотно забит людьми: черными, белыми, желтыми, бесцветными, многоцветными и другими. Белые, одетые бедно или совсем плохо перемешаны с высокими и статными неграми в добротных костюмах. Яркие красочные курдско-турецкие платья мелькают между грязными и порванными албанскими куртками. Там группа вьетнамцев вызывает явное неудовольствие маленького турка, делающего вид, что он – султан всего этого сброда. Ему есть на ком выместить свое неудовольствие – в углу жмутся к стенке человек десять женщин и детей, все совершенно непонятных возрастов, и совершенно очевидно его семья. Лица у собравшихся радост-

ные и облегченные. Они уже пережили тысячекилометровые путешествия, потратили деньги, перешли вброд реки, нелегально пересекли границы. Все это позади. Они в долгожданном месте, о котором столько мечтали, грезили в беспокойных снах. Можно смеяться, говорить друг с другом обо всем, понимая и не понимая. Ведь впереди совершенно точно, – счастье, богатство! Сейчас можно быть беспечным.

Стоит адская какофония голосов, такая, какую, наверное, услышал Всевышний, когда в Вавилоне покарал людей разными языками и наречиями. Но нынешние потомки Адама оказались смышленей и научились находить общий язык. Теперь здесь галдело нечто ужасное, периодически прерываясь детскими истериками.

Вдруг над толпой пронеслось одно единственное слово, исковерканное интонациями и акцентами и выученное в немецком языке первым: «Эссен!» Толпа качнулась и лавиной бросилась в одну сторону, где появился человек, держащий в руке пачку бумажек. Гул голосов стал еще более сильным и взволнованным. Но мужчина, державший бумаги, был весьма опытен в умирении этого человеческого стада. Он просто стоял и молчал, смотря отсутствующим взглядом в никуда. Ропот, шум постепенно смолкли. Тогда он принялся негромким голосом читать имена и фамилии, написанные на бумажках. Когда названный объявлялся, ему выдавали документ. Счастливчик с гордым видом человека, который смог обмануть других и получить талон на еду раньше, важно, но постепенно ускоряя шаг, направлялся он к столовой засвоей порцией обеда. По мере того, как толпа редела, ропот усиливался. Те, кто еще не получили причитающегося, бурчали громче и громче, боясь, что их забыли или что не хватит еды. Но уже через пятнадцать минут в том же холле все собрались назад и с довольными физиономиями улетали выданный паек. Голосов почти не слышно, лишь звук, создаваемый парой сотен одновременно жующих ртов плывет над залом.

Юра, Леня и Борис устроились вместе на длинной лавке и спокойно поедали свой обед, каждый расправляясь с ним по-своему. В твердой тарелке из фольги лежал горячий гуляш с картошкой. Они имели ужасно соблазнительный вид. Человеку, умеющему по-настоящему ценить еду после долгого недоедания, проглотить такую порцию не позволит душа. Он скорее будет молится на нее, а потом наслаждаться каждым граммом пищи. Мясо оказалось свежим, не жилистым, картошка пахла картошкой. Ко всему этому дали еще литровую пачку сока и сладкий йогурт с кремом.

Пережевывая со знанием дела, неспеша, русская компания перебрасывалась словами. Юра, как всегда, задавал тон.

– Германия, черт! Кормят! У нас бы говна на палочке дали. Картошка бы гнилая, мясо – одни жилы, а сок – тот, вообще, кто даст? Вот черти! – он улетал порцию с жадным и ненасытным взглядом, невзирая на хороший завтрак в Красном Кресте.

Борис ел медленно, смакуя каждую картофелину, каждый кусочек мяса. В глазах у него горел голодный блеск, как у человека не евшего уже несколько дней. Он, казалось старался растянуть удовольствие, запомнить вкус на случай, если придется еще голодать. Проглотив очередной кусок, он решил тоже поддержать разговор.

– Ты у нас бы еще на азыль попробовал сдать, – усмехнулся он. Тебя бы там накормили, конечно! – его лицо вытянулось, представив, чем бы его в действительности накормили там.

– Я, когда паспорт в окошко дал, – вклинился с глупой улыбкой Леня, думал, что они меня пошлют. Он на меня так посмотрел, потом в паспорт, пошел что-то у полиция спросил, потом опять ко мне и смотрит...

– Смотрит добрыми глазами и думает, на хрен тебя послать или азиюль дать, – прокомментировал Боря.

Юра поведал анекдот, времен бабушек, выдав его за новоиспеченный, но всем все равно приятно услышать. Сидящий напротив негр отбросил пустой пакет из под сока и смотрел, как они смеются, потом улыбнулся и сказал:

– Дойчланд – гут! – коллега? – его твердые и здоровы, как у лошади белые зубы показали веселый оскал.

– Гут, Гут! – ответили ему хором.

– Ай – Дойчланд гут! – добавил тот, покачав головой в подтверждение и поинтересовался. – Коллега югославишь?

– Нет, руссишь! – ответил Боря.

– А! Горбачев! – обрадовался негр.

– Горбачев капут! – пояснил Юра. – Руссланд – Ельцин!

– А! Ельцин! Гут! Перестройка! – он был явно подкован политически.

– Ладно, – Юра поднялся. – Идем на улицу перекурим, а то нам негр лекцию по истории СССР читать станет.

Они вышли во двор перед домом. Лагерь состоял из трех административных корпусов и десятка бараков. Туда-сюда сновали люди. Немцы бегали с озабоченным видом, делая вид будто работают с азиянтами. Азиянты бродили из стороны в сторону. Им нет необходимости притворяться, что они работают беженцами: все и так знают, что они притворяются.

Юра, как самый осведомленный говорил:

– Нас здесь записывают, мне сказали, берут кровь, дают документ, а потом везут в другой лагерь, более постоянный.

– Но еще должно быть интервью, – вставил неуверенно Борис. – Они спрашивают о твоих мотивах...

– Глупости! – перебил Юра. – Потом будет большое интервью, там спросят.

– Но они здесь тоже могут спросить.

– А хрен с ними! Пусть дадут лагерь... Нам, вообще, нужно вместе проситься, а то поселят тебя, Боря, с негром и будешь ты...

Время добралось уже до трех часов дня. Они вернулись назад в здание. Вскоре пришел служащий и объявил, что теперь развезут по лагерям, а завтра все опять собираются на прежнем месте в старом добром Швальбахе для дальнейших процедур знакомств. Опять раздали бумажки, в которых на этот раз значилось название лагеря. Толпа двинулась к выходу, где ждали автобусы. Юра, Леня и Борис попали, как и просили, в одно место с непроизносимым названием «Ягдшлосс Минбрюх».

По потолку медленно полз паук. Он не плел паутину, а просто, как всякий опытный строитель, намечал место. Я наблюдал за ним уже минут пятнадцать, будучи в глубине души доволен, что не нужно посвящать себя другому занятию. Катя спала. Скоро ее надо будет будить, а пока и мне отпущено еще понежиться.

За три последних дня мы успели побывать во многих местах во Франкфурте, чем доставили ему несомненно удовольствие. Как и полагается, посмотрели музеи современности – супермаркеты, а также и другие менее значительные достопримечательности.

Германия, черт ее возьми! Франкфурт, как говорят, – самый грязный ее город. Не понятно только, каким бывает чистый? Кто, вообще, его грязным назвал? Я бы умника отправил на стажировку в Москву на Калининский, ах простите, на Новый Арбат или даже на старый Арбат, который, хоть и выглядит в пять раз новее нового, но оба могут спорить, кто из них грязнее – все равно не переспорят.

Сам город посоветовали рассматривать от железнодорожного вокзала. Мы так и поступили. Прямо от этого вокзала идет величественная улица, носящая имя Кайзерштрассе. Однако, с каким-либо кайзером у нее мало общего, во всяком случае, во всем том, что касается приличной стороны жизни этого кайзера. Она являет собой центр злочного или на местном жаргоне розового квартала, и от нее во все стороны разбегаются улочки, построенные из домов, от подвала до крыши набитых секс-шопами, публичными домами, ночными барами, проститутками и прочими прелестями свободного мира.

Взявшись за руки, мы твердо повернули в одну из них: любознательность требует жертв. Уже собирались сделать первый шаг, но нога сама повисла в воздухе, а собравшаяся было слететь с моих уст мысль, ненавязчиво вернулась назад в глотку. Сразу за поворотом, прямо на тротуаре, собравшись в кружок, сидели пять, густо обросших волосами личностей в потрепанной одежде. Они сосредоточились над тем, что усердно кололи себе шприцами вены. Памятуя американские фильмы о борьбе с наркомафией, я представил, что сюда должны броситься со всех сторон полицейские и повязать их заодно с нами. Вторая мысль была о том, что эти наркоманы сейчас сами набросятся на нас.

Когда я потом вспоминал эту сцену, то понял, что единственной достопримечательностью был в ней я сам, стоявший как ошарашенный идиот. Эти уважаемые субъекты сидели здесь, видимо, ни первую минуту, ни первый день и не первый год и свое дело собирались успешно продолжать. Проходившие мимо не обращали на них никакого внимания. А самим им было явно глубоко наплевать и на нас и на полицию, стоявшую неподалеку. К чести полиции нужно сказать, что она отвечала им взаимностью. Пока все до меня дошло, я повернул Катю и себя назад и повел ее в другую сторону.

– Лично я уже получил полную гамму эмоций от этого квартала, констатировала моя голова и произнес рот.

– Я тоже, – на этот раз жена оказалась того же мнения, что и я.

Пройдя пару-тройку небоскребов европейского типа, мы вышли к главной, по моим представлениям, улице этой финансовой столицы Германии. Зовут ее ни то Цыль, ни то Циель, что, впрочем, не столь важно для всей истории. Это такая широкая аллея, по бокам которой высятся громады всяческих магазинов. Взглянув на них, я сделал безразлично-отсутствующее лицо, всеми силами пытаюсь показать, что стою посреди пустыни, впереди ничего не вижу, и никакого смысла идти туда быть просто не может. Передо мной мерцала гряда надвигающихся лет аэродромного лагеря и грязная тяжелая работа необходимый инструмент борьбы за выживание. Там же, в грезах мерещилось и благосостояние, основанное на лежащих в кармане пяти тысячах марок единственное, чем мы располагаем. И тут я решительно перешел в наступление.

– Там! – показал я в противоположную сторону твердой рукой. – Старый город. Достопримечательности.

– Старые? – спросила Катя.

– Очень.

– Значит давно стоят? – это был подвох ниже пояса.

– Значит давно.

– Ну еще день постоят.

Битва была проиграна. Вздохнув тяжело на свою горькую судьбу, я уныло поплелся, влекомый супругой в обозримые дали капиталистического бытия...

Зелеными буквами написано название «Кауфхоф» на снежно-белом здании. Заходишь туда и чувствуешь себя погруженным в море, море всего. Если приняться описывать этот магазин, то не хватит всей жизни. Поэтому я его и не буду описывать, а буду лежать и смотреть на паука. И денег потраченных описывать не буду и жалеть о них не буду. Не о чем больше жалеть... Да и что значат потраченные сотни марок в сравнении с мировой революцией, а тем более с немецким паспортом на мое имя, выписывающемся сейчас где-то в недрах их бюрократического аппарата? Наверное выписывающемся...

Катя зашевелилась рядом.

– Утро? – сонно пробормотала.

– Да, нужно уже вставать. Сейчас Сережа приедет.

Встать, умыться, одеться – все это берет время. Пока мы суетились, прибыл Сережа, как и обещалось... Мы погрузились в машину и отправились. Сдаваться.

Не знаю, просили ли вы когда-нибудь политического убежища и сколько раз просили, но я это делал впервые. Мне представилась большая белая комната, где сидят дядя в мундире генерала полиции, две добрые тети в форме Красного Креста. Они сердобольно улыбаются,

а я, пустив предварительно из глаз слезы, им говорю: «Боже! И все-таки, пройдя через все лишения, я до этого дожил!» – и дальше плачу уже в голос. Потом приезжают корреспонденты, я даю пресс-конференцию, на которой обличаю государственный строй, перестроенный социализм, недостроенный капитализм, КГБ, МБ, ЖКК, АБВГД, ЦК, коммунистов, демократов, МИД, горком, префектуры и мэрию, домоуправа и дворника Филипыча. Потом в зал входит президент страны и вручает мне немецкий паспорт, прикалывает к груди орден «Герой Германии», а я отдаю честь и говорю: «Служу Федеративной республике!»

Тут ход моих мыслей прервал Сережа, который деловым тоном стал давать инструкции.

– Значит так! Перед лагерем стоит очередь: всякие там черные, желтые, но они нам не нужны. Я говорю, мы все проходим. К концу дня они всю эту кутерьму закончат и повезут вас в лагерь. Мы узнаем, где и какой, потом привезем туда шмотки. Вас будут из лагеря еще таскать в Швальбах, но это ерунда.

– А когда нужно делать заявление? – робко вылез я.

– Какое заявление? – он бросил в мою сторону непонимающий взгляд.

– Что я хочу убежища.

– Жене своей делай заявление! – теперь он смотрел на меня просто уничтожающе-насмешливо. – Ты с неба упал? Лагерь принимает несколько сот человек в день. Если они у каждого заявления выслушивать будут, то им еще придется сто человек в качестве слушателей нанять.

– Значит корреспондентов тоже не будет?

– Да! «Паша сдался на азиюль!» – экстренный выпуск Си-эн-эн. Твое дело сидеть и не рыпаться. Когда пойдешь на большое интервью, адвокат придумает тебе версию. Там будешь заявлять!

– У меня есть. Сам придумал, – я огрызнулся.

– Лучше забудь прямо сейчас. После интервью тебе прейдет отказ, а ты в суд, оттуда опять отказ, а ты опять в суд, и так: кому первому надоест. Потом получаете паспорт.

Дальше до Швальбаха я молчал. Это был мой первый урок Германии. Фикция. И здесь они тоже лицемерят, как и везде. А, впрочем, какое мое дело? Пусть они хоть на голове ходят. Какое мое дело? Мне нужен паспорт, нужно остаться...

Как Сережа и предсказывал, в очередь мы становиться не стали, а пошли сразу к окошку и охранникам. Между нами завязался живой и увлекательный разговор. Сережа им что-то долго и упорно объяснял по-немецки, а я строил радостное и неглупое, по возможности, лицо, и поддакивал «да, да» на немецком, так как знал это слово в числе немногих других в этом языке. Через пять минут взаимных переговоров голос из окошка, обратившись ко мне, что-то сказал. Я, сориентировавшись на понятное слово «паспорт», со спокойностью кролика, которого волки уже зажали в угол, подал ему то, что считал в этот момент нашими паспортами. Это были обычные советские паспорта с пропиской. Сережа убедил, что заграничные мне еще понадобятся, а им хватит и внутреннего. Мнение служащего, в свою очередь, с мнением моего

друга не совпало. Он взял документы кверху ногами и озадаченно на них посмотрел. Чтение кириллицы явно не было его хобби. Обращенный ко мне вопрос, я понял.

– Что это такое? – он продолжал смотреть на документ с небольшим отвращением или, скорее, недоверием.

– Это мой внутренний паспорт, – ответил я фразой, заранее в машине заготовленной.

Тут на помощь пришел не заменимый Сережа. После его короткого, но явно убедительного монолога служащий скривил гримасу и, бросив паспорта у себя в ящик, махнул рукой: проходи, мол. Ну мы и прошли.

Лагерь меня не поразил и не удивил. Сотни людей ворошились здесь, как пчелы в улье. Судьба или, скорее, собственное упрямство и глупость бросило их сюда, в этот котел, где и предстоит всем вариться.

– Негры, индийцы, вообще всякие черные не имеют никакого шанса остаться. Югославы получают иногда вид на жительство. Русские тоже, в основном, остаются, – пояснил Сережа. – А, главное, все это – большая компания неудачников. Те, кому дома хорошо, и все идет, сюда не приезжают.

– Да, ты прав. И я тому – наглядный пример.

Подошел обед, потом нас куда-то позвали. В кабинете сидели молодые девушки.

– Имя, пожалуйста, – спросила одна на немецком. Я ответил, и пошло: когда родился, когда приехал, какие языки знаете? Какой веры?

– Жена – еврейка по рождению, по вере постперестроечная демократка, разуверившаяся. А я... – тут пришлось неопределенно сморщить губы.

– Ну, может православный? – спрашивает все та же девушка, явно пытаюсь мне искренне помочь.

– Может и православный, – соглашаюсь я и развожу руками. – Еще не пробовал.

Следующим этапом нас фотографируют на память, видимо, им о нас, так как нам отпечаток не достался. Возвращаемся в общий зал, противный и бурлящий страстями новых собратьев, хоть не по крови, но по глупости, точно. Подбегает запыхавшийся Сережа.

– Ну, я все узнал! Вас определили в лагерь «Минбрюх», всего двадцать километров от Франкфурта. Это хорошее место, как сказали, мало азюлянтов и недалеко. Иных в лагеря за двести километров загоняют.

– Ну, тогда спасибо товарищу Колю за наше счастливое детство и недалекий концлагерь, – губы самопроизвольно растянулись в отвратительной улыбке, напоминающей отвращение. Меня начинает обуревать злость от усталости и шума толпы. Нервы сдают, жена права: лечиться надо... Эх, был бы немецкий паспорт, тогда и лечится!

Мы договариваемся, точнее, Сережа договаривается, что в лагерь поедет на автобусе только Катя с дочкой. Я с Сережей намерены отправиться за шмотьем и в этот «Минбрюх» напрямую, чтобы успеть к ужину. Озабоченная немка что-то долго ему трещит, как сорока, но он ее убеждает, что я вовсе не собираюсь удрать от них назад в Россию, а просто лишь хочу забрать вещи. Она, на конец поддается уговору. Мы едем, конечная цель – «Ягдшлосс Минбрюх».

Дорога от Франкфурта до Минбрюха не была примечательна ничем. Сама усадьба-гостиница для отщепенцев-азюлянтов использовалась когда-то для более благородных целей. Важные персоны останавливались здесь для охоты ны уток и кабанов. Само название «Ягдшлосс» переводится как «охотничий замок». Строение, выложенное из красного кирпича, стоит посреди леса неподалеку от шоссе.

Мы подкатили с Сережей на машине. Я вышел рассматривать округу, а он двинулся выяснять, что к чему. Подъехал автобус и выпустил из себя толпу разноцветных азюлянтов. На мое счастье Катя и Маша оказались вместе с ними, и без лишней объяснений мы вошли через железные ворота. Нас загнали в здание – считай в новую жизнь.

Первое представление о лагере оказалось безрадостным и устраняющим последние остатки бывшего оптимизма. На разбросанных в холле тут и там скамейках и на полу сидят, лежат не определенного цвета люди. Некоторые просто стоят или бесцельно ходят вперед-назад. Полумертвый пейзаж медленной и ленивой скуки, безнадежного безделья сразу удручающе надавили на вновь прибывших. Сидевшие в зале зашевелились и кое-кто двинулся в нашу сторону. Судя по лицам, намерения добрые. Это хорошо. Заметно, что любопытство – лишь следствие опостылевшего ничегонеделания, и каждый новенький приносит в этот мирок частичку жизни. Хотя старожилы уже хорошо знают, что освоившись за неделю-две, все эти люди станут такими же, как и они, томящимися от скуки субъектами.

Из одной двери, громко и весело разговаривая вышли две женщины и мужчина. Одна, крашенная блондинка, с короткой стрижкой. Ее внешность ничем не выделялась, кроме особого выражения лица. Злобный взгляд и своеобразная манера разговаривать выдают в ней неудовлетворенную незамужнюю бабу. Уже предчувствую, что нам предстоит провести незабываемые мгновения личного общения. Они вряд ли доставят удовольствие мне, но, надеюсь, и ей. Вторая – тоже блондинка, но натуральная. Кроме белых волос, в ней нет ничего похожего на первую. Она высокая, полная. Лицо ее сияет непрекращающейся радостью и полным удовлетворением жизнью. Мужчина лет тридцати пяти с темными волосами, бородой и приятной внешностью интеллигентного человека, располагающего к себе. Что можно сказать о них совершенно определенно: «Они все являются обладателями этого чертового паспорта, который уже не только снится мне по ночам, но и порой стал мерещится по темным углам наяву!» Вот так!

Тьфу! Лечится надо. Лекарство одно – паспорт! Немецкий!

– Меня зовут Кристина! – сообщила первая и, указав на своих спутников, представила и их. – Фрау Дорис и херр Адольф, – говорила она английским. Как оказалось, этим языком здесь широко пользовались. – Мы руководим этим лагерем, и все вопросы нужно решать с нами. Сейчас я буду по очереди вызывать вас в эту комнату, где мы вас регистрируем, сделаем фотографии, а потом выдадим вещи.

Пришлось удержаться от желания пофилософствовать с ней на предмет какие конкретные интимные вопросы мы должны с ней обсуждать, ибо дал себе слово не выпендриваться, иначе не оберешься бед с самого начала, а это надоело.

Затем последовала непродолжительная речь, из которой стало предельно ясно, что мы – азюлянты, а значит не имеем право на во-первых то, во-вторых это, в десятых все остальное... Мы – азюлянты, значит в нас заочно видят воров, убийц, нас недолюбливает полиция, как впрочем и все остальные. Нам поведали пару историй про гадость нам подобных и глазами намекнули, что мы станем такими же.

Когда эти пояснения закончились, из коридора появился, видимо, скорее молодой человек, чем молодая дама, хотя крашенные под блондина длинные волосы и кольца в ушах и носу могли убедить и в обратном. Избрав, как способ передвижения, этакую вальяжную и застенчивую походку, он прикатил с собой телегу с постельным бельем и еще какими-то вещами и стал выгружать это добро на стол. Дверь открылась и опять появилась Кристина. Умудрившись непередаваемо исковеркать нашу фамилию, она позвала вовнутрь.

– Фотографии, пожалуйста, – сказала она на этот раз абсолютно бесцветным голосом, от которого веяло просто какой-то могильщиной! Страшно! Мне показали на стул. – Потом жена.

Не думал, что за один день столь много людей захотят оставить себе на память наши фотографии, и оказался морально к этому просто не готов. Моя внешность, несмотря на достаточно высокое самомнение, все же абсолютно не фотогенична. Все официальные фото даются с большим трудом, необходимо проделать много работы, следя за шириной улыбки, выражением глаз и так далее. Я и сейчас попытался сотворить экспромтом выражение поприличней, но результат вышел просто разительный. Даже когда специально стараешься глупо выглядеть, лицо не получается столь дебильным. Но все же сегодня повезло: фотография оказалось слишком темной, и сделали повтор. Он получился не многим лучше первого, но идиотизмом лицо светилось поменьше. С Катей вышло не менее интересно: с картинки смотрело совершенно незнакомое лицо, и когда ее вклеяли в пропуск, то в принципе им могли бы спокойно пользоваться не только все женщины лагеря, но и добрая часть мужчин.

После процедуры запечатления ко мне неожиданно обратился Адольф, лукаво подмигнув правым глазом:

– Я надеюсь, что вы будете себя хорошо вести.

Не понимая тогда, к чему он клонит, я ответил, что можно лишь только надеяться и вышел наружу. Там молодой человек женской наружности, подозвав нас к столу, выдал поднос, на котором лежали три пары постельного белья, три чашки, три ложки, три вилки, три ножа и три пачки туалетной бумаги. Сверху он взгромоздил три пакета со съестным и махнул рукой: все, мол. Я, поняв, что подарки германского правительства на сегодня сыпаться закончили, поставил жену с подносом и ребенком в угол, а сам пошел вытаскивать наши вещи из машины. Перетаскали чемоданы в зал, сбросив их в кучу. Еще раз, уже в пятый, поблагодарили Сережу и, пообещав появиться вскоре, простились с ним.

Пока я ходил, Кате уже дали ключ от комнаты 43, которой, по всей вероятности, и предстояло быть нашим пристанищем в ближайшие обозримые месяцы. Мы только принялись ломать голову нашими чемоданами, точнее, способами их переноски, как вы друг в коридоре

показался маленький коренастый мужичек. Быстрой походкой он подошел к нам и на чистом русском языке спросил:

– Ой, ребята, вы – русские.

В его голосе звучал неподдельный восторг при мысли, то мы и вправду таковыми окажемся.

– На двадцать пять процентов, – ответил я неопределенно на всякий случай. – Но, если по гражданству, так то на все сто, да и то пока, ибо вот-вот будем иметь честь принять новое.

Мужичек ничего не понял, улыбнулся еще шире, и выпалил, как из автомата:

– Ой как хорошо! Я – Филипп, Филипп Терещенко. У нас тут еще русские есть. Я-то уже здесь целый месяц, и семья еще есть, так те тоже при мне приехали муж и жена. И еще есть трое русских ребят, так они меньше недели. Вы в каком номере будете?

– Сорок третий.

– А, ну это – наш коридор. Мой номер – 51. Как обустроитесь, заходите, – приветливо пригласил он. – У нас там чаек, супчик, всякие дела туда-сюда. А вас как звать?

– Ах, простите. Павел, а это – Катя и Маша.

Филипп опустил взгляд на наши вещи.

– А сколько же у вас чемоданов! Как же вы везли их с собой? Сейчас я вам помогу! – он всплеснул руками и повернулся к одному из стоявших рядом парней, похожему на турка, и обратился на немецком. – Коллега, пожалуйста, это – русская семья, помощи!

Стоявший охотно взялся нам помочь, а вместе с ним и другие, бывшие рядом, разобрали барахло. Процессия, со мной, гордо вышагивающим в ее голове, двинулась к комнате. Мозги в этот момент анализировали забавный факт. Уже в который раз я слышал, что азылянты называют друг друга «коллега». Это слово не только в русском, но и в немецком используется в профессиональном общении между собой. Люди здесь, в лагере, называя друг друга коллегами, вполне серьезно относятся к своим обязанностям азылянта и считают, что их сдача «на азыль», томительные ожидания и поиски путей в новый мир – все это весьма искусная и тяжелая работа. Сейчас же они несли наши вещи и с радостью приговаривали на разных языках Бог знает что, выражая не только довольство тем, что можно занять свое безделье, но и чувство гостеприимного коллектива, принимающего к себе новеньких.

Шмотье доставили в комнату. Филипп позвал в гости, когда отдохнем, и удалился. Мы стали осматриваться в нашем новом жилище, пытаясь полюбить его с первого беглого знакомства.

Н-н-да! Еще то... Комната квадратная, этакий давно крашеный сарай метров в семнадцать. По нашим совковым меркам для гостиной подойдет. Но здесь, судя по-всему, она являет собой и спальню и кухню и все прочее... «Может и туалет?» – уж с некоторой робостью поду-

малось мне. Но приглядевшись внимательно, с облегчением обнаружил, что ничего, напоминающего отхожее место нет.

С мебелишкой, конечно, жиденько тоже. По обеим сторонам примостились сиротливо две двухъярусные кровати, а у окна расположился стол с тремя стульями, сверкающий девственной пустотой.

Маша тут же заскочила на кровать и стала там прыгать. Это было отрадно, так как означало, что ее ничем занимать не надо. Она сама определилась. А вот Катя себе достойного занятия не нашла и решила потратить время на высказывание собственного мнения. У нее на лице застыла маска, выражающая все, что она думает об этом азиоле, лагере и обо мне, как о главной причине всех несчастий и неурядиц, постигших ее и все человечество со времен Адама.

– Место отличное! – приподнятым голосом оценил я, пытаюсь в тщетных усилиях смягчить впечатление.

– Естественно! Ты всю свою жизнь мечтал только в ТАКОМ месте жить. Тебе не кажется, что обстановка весьма богата. Можно попросить сократить количество мебели вдвое.

– Посмотри в окно, – провел я отвлекающий маневр, указав на большой темный провал в стене. – Вон туда вдаль. Какое поле! Летом оно, наверное, колоситься пшеницей, а еще метров двести-триста – лес.

– Изумительно! Я всегда считала, что у тебя близорукость минус два, а на самом деле, видать, минус двадцать два. Ты видишь лес в километре, а мусорник под окном не замечаешь. Но, что можно от тебя ожидать! Придется ютиться! – она состроила лицо святого страдальца, жертвующего собою во имя всего человечества сразу.

Под аккомпанемент легкого препирания мы рассовали чемоданы под кровати и просто в угол, предварительно вытащив из них все, что необходимо. Потом настал черед рассматривать содержимое пакета с пайком. Оно состояло из одной рыбной консервы – тунец, двух маленьких-маленьких пакетиков сыра, двухсот граммовой пачки апельсинового сока и кое-какой мелочи. В довершение ко всему кинули на троих полбуханки хлеба. Совершенно определенно, ничего похожего на паспорт там не было. Теперь очередь возмущаться перешла ко мне, так как в нашей семье именно я был признанным авторитетом в вопросах кулинарии. Моему раздражению просто не было предела, и я его смачно изрыгал наружу.

– Грандиозно! Можно съесть и обоссаться от счастья и благодарности немецкому правительству! Правда будет нечем. Такое количество пищи просто не дойдет до прямой кишки, – кусок хлеба, трясущийся в моих негодующих руках, был прозрачным, как стекло.

Еда – мой больной вопрос. Ну у каждого бывает свое... это: пчелы под шевелюрой, как англичане утверждают. У меня – еда. В жизни я испытывал моменты, когда, прямо скажем, приходилось недоедать. Но все-таки, всегда стремишься наиболее полно удовлетворить именно эту самую низменную потребность, и не только количественно, но и качественно.

Внимательно, но удрученно посмотрев на содержимое пакетов, повздыхав, мы решили ответить на приглашение доброго человека Филиппа. Решение было достаточно своевременное, тем более что им упоминалось слово «суп». Закрыв дверь на ключ, всей семьей двину-

лись на поиски пятьдесят первого номера. В душе теплилась тайная надежда, что хоть там люди опытные смогут не только добрым словом, но и добрым делом удовлетворить наше чувство легкого голода, придававшего романтичность всем этим приключениям. Однако, уж если положить руку на сердце, то в тот момент тайные булавки сомнения принялись с возрастающей силой колоть мое сердце и желудок. А образ немецкого правительства в виде доброго дяди с веселым лицом, протягивающего жирную свиную отбивную с банкой пива, стал медленно распадаться на банки рыбных консервов.

Комната 51, как выяснилось из опроса, находилась в противоположном конце коридора. И так, в первый раз можно было составить общую картину о сконцентрировавшихся в этих местах борцах за свое немецкое счастье. С ними нам и предстоит конкурировать и сотрудничать в предстоящем поиске новой жизни и нового паспорта.

Рядом с нами находился номер сорок пять, в котором, как потом узнали, жило девять турок-мужчин всех возрастов от семнадцати до пятидесяти пяти лет. Дверь к ним открыта, и сидящий у порога с традиционного большими черными усами человек, заунывно играл на губной гармошке турецкие мелодии. Он тупо посмотрел на нас, ожидая, что мы с ним поздороваемся или еще чего, а я, в свою очередь тоже посмотрел на него не менее вдумчиво. Кивать ему не стал, так как давно придерживаюсь убеждения, что если кто-то хочет от тебя приветствия, то пусть и здоровается первым. Он продолжал упираться в нас глазами, видимо, узрев «новые ворота». Нам ничего не осталось, как продолжить экскурсию. Дверь в номер 42, напротив, закрыта, и из нее женский голос плаксиво говорит по-русски: «Не ходи, Петя, не ходи, мне одной страшно». Мы с Катей многозначительно переглянулись и, понимаясь качнув головой, пошли дальше. Еще одна дверь – 40, закрыта, и из нее не исходит никаких звуков. Дальше по левой стороне из полуоткрытого номера 41 слышалась возбужденная сербская речь. Номер 39 молчал, а в 38-м стройные мужские голоса шумели на смеси турецкого и немецкого. С 37 по 34 занимали югославы, которые или торчали, ничего не делая, в дверях, или лежали на кроватях, не проявляя ни к чему должного интереса. Надрывно старался магнитофон, неся в народ югославскую культуру. Номер 33 приоткрыт, но из него веет темнотой, тишиной и плесенью. Дальше шел ватерклозет. За ним, вплоть до следующего, находящегося в двух комнатах от первого, территория четко поделена по национальному признаку. По правой, четной стороне, постоянно курсируя из комнаты в комнату, сновали по одиночке и группами многочисленные семьи афганцев. По левой, нечетной, шумели зудящим роем бангладешцы, все в юбках, и все мужского пола. После следующего ватерклозета следовала заключительная часть коридора, заселенная в основном алжирскими и суданскими арабами. Кроме того, по пути мы прошли еще комнаты, которые были закрыты и их обитатели еще не появились до поры до времени в истории нашего азыля, или они просто заснули. Таким образом достойных претендентов на обладание вожеленного документа, кроме себя, пока я не нашел. Это немного облегчило вес камня на сердце.

В самом конце коридора, завершая его и противореча всем законам цифрового ряда, после номеров 15 и 14 находился 51.

Постучавшись в дверь и дождавшись, пока она откроется, я сделал, точнее попытался сделать шаг вперед, но голова уперлась в чью-то грудь. Подняв глаза, увидел лицо, не обремененное заботами ни о глубоко философских, ни о мелкожитейских проблемах. Весело-простодушный взгляд вполне вписывался в смазливую физиономию, украшенную сверху темными волосами. Парень чем-то похож на молдованина. Улыбнувшись, он пропустил нас, и взору предстала вся комната. Она явно больше нашей, в ней шесть двух ярусных кроватей, два стола,

цветной телевизор. Наверху, повернувшись спиной к зрителям спит человек. Под ним полулежит смуглый, похожий на афганца мужчина.

Так мы увидели их впервые. Полный состав нашего клуба собрался на свое первое заседание. Рядом с дверью расположились парень лет девятнадцати, худой, но плотный, с белыми волосами и нервным взглядом и лет сорока мужчина, седоватый, с бородой, тоже худой и курящий сигарету. В это время Филипп, которого поначалу я не заметил, вынырнул из-за прикрытого шкафом угла. Оттуда доносилось завораживающее бульканье в кастрюле, разносящей по всей комнате пленительный запах съестного.

– Проходите, ребята, мы тут супчик соображаем. Знакомьтесь: Павел, Катя, Маша, – представил он нас своим суетливым, но мягким голосом.

– Леня, – протянул руку высокий, опять раскрыв лицо в приятной улыбке.

– Я – Юра, – сообщил белобрысый, пряча неловкость за надменностью.

– Б-борис, – представился мужчина, не забыв немного заикнуться для приличия.

– А это – Наим! – сказал Филипп, указывая на лежащего на кровати «афганца».

– Здравствуйте, – тот встал и протянул руку широкую и коричневую.

– Наш Наим из Афганистана, – подтвердил мои догадки Юра. – Но он советский, учился в России.

– Очень приятно, – я пожал руку и добавил приветливо. – Коммунист?

– Нет, у меня жена русская.

Я сделал заключение, что, видимо, в Афганистане можно было не быть коммунистом, достаточно иметь русскую жену. Не понятно только для чего достаточно...

Мы расселись и завязался обычный разговор знакомящихся людей. Перейдя сразу на «ты», как это и заведено у простого русского народа, принялись расспрашивать один другого о том о сем...

– Вы откуда, ребята, – поинтересовался Филипп, по праву хозяина взявший слово первым.

– Из Москвы, – вздохнули мы разом. – Учились в институте. Вот житуха заела, ну мы и приехали. Может чего здесь сможем, – эта версия выглядела в моих глазах вполне сносно. Правда никому особо не важна. Сам я, в свою очередь, спросил:

– А вы сами?

За команду хозяев выступал Юра.

– Я из Латвии, из Риги, Леня тоже из Латвии.

– А, так вы – латыши? – с безразличной интонацией уточнил я.

– Нет, нет! Я – чистый русский! – Юра принялся горячо защищаться, будто я собирался его за это подвергнуть экзекуции. – У Лени папа – латыш, но он латышей тоже не любит.

Беспокоился он зря. Лени я тоже четвертовать не собирался.

Не знаю, чего он так отрешивается от латышей, но мне, если честно, глубоко наплевать, кто он там.

– Филипп с Украины, – продолжал тот. – Из Одессы. Он уже месяц тут. Боря тот тоже с Украины.

Борис кивнул и в подтверждение этих слов аристократическим жестом выпустил изо рта струю дыма.

– Ну, ребятки, – Филипп нес откуда-то кастрюлю и сковородку. – Чем богаты! На азиатских харчах не раздобреешь... Я тут супчик... Беру пару консервочек, тут помидорчик, лучок зелени, перчик, картошечки под заправим, и хорошо. Приходится самим поварить.

Суп пахнул аппетитно и после сегодняшних сухих пайков был совершенно кстати. Я с удовольствием проглотил две тарелки, и третью мне не позволяли взять лишь правила приличия – единственно, что еще позволяет сохранять фигуру в рамках.

– Куришь? – Юра протянул сигареты с искренней вежливостью, но явная тоска жадности мерцала в его глазах.

– Нет, спасибо, – я вежливо отказался. И его нервы спас и сказал правду.

– А пивка? – Филипп протянул мне и Кате по банке. – Вы попробуйте: настоящее немецкое, «Карлскрон»! Здесь наше нужно забывать.

От пива мы не отказались. Медленно попивая из банки в общем-то не теплое, но и не достаточно холодное пиво, я вспоминал, сколько лет, как забыл «наше». Это оказалось так себе.

Мы сидели, совершенно незнакомые друг другу люди, пили пиво, разговаривали о том о сем, и всем было приятно. Приятно, что здесь, вдали от дома, каждый из нас, вольно или невольно попавший сюда, мог расслабиться, покалякать с земляками.

Что сближает людей? Конечно общая компания, где можно посидеть расслабившись, потравить анекдоты, просто сочинить и тут же рассказать быль или байку, послушать кого-нибудь. И вот уже только познакомившиеся люди становятся приятелями.

Залитый в желудок суп приятно его прогрел, наполнив, казалось все нутро. Размеренный разговор мягко перепрыгивал с темы на тему. Через час обнаружилось, что трепал в основном Юра, причем без усталости. Все порядком устали от чуши. Не видя другого выхода, я тронул вопросом доселе молчавшего Наима, но тот оказался достойным конкурентом нашего нового молодого друга и продолжил в том же духе.

Вдруг неожиданно нашу расклеивающуюся беседу нарушили. Дверь распахнулась и в комнату, громко сопя, вкатился огромный, под метр девяносто и широкий в два обхвата, совершенно черный негр. На его темном и круглом, как сгоревший блин лице, ярко выделялись красные, дико выпученные глаза. Не останавливаясь, он навалился на Леню и, издав дикий рык, принялся истошно кричать «Руссланд! Руссланд!». Моей первой мыслью было, что эта огромная глыба черного мяса имеет личные претензии к России или мстит русским за построение негросоциализма в его отдельно взятой стране. Не понятно лишь, почему его месть столь избирательна и вылилась именно на Леню. Но в этот момент наши собеседники принялись скандировать «Заир! Заир!», из чего я пришел к выводу, что его эмоции вызваны не неприязнью, а скорее привязанностью к русской нации в Ленином лице. У меня возник откровенный страх, что эту привязанность он захочет выразить еще и ко мне. Но опасения, все же, оказались напрасными.

– Руссланд гут! – ревел он.

– Гут, Заир, гут! – вторили ему.

– Руссишь? – прекратив, наконец, бурно изливать чувства, он спросил, указывая на нас.

Нас представили, пожали руки. Теперь он приступил к главной части своего визита, ради которой, собственно, и затевался пятиминутный спектакль.

– Please one vodka, – жалобным голосом попросил он, попытавшись показать маленькую рюмку, но в его огромных ручищах она показалась стаканом.

– Ноу водка, Заир, – развел руками Филипп. – Биер – айн марк.

– Ноу, ноу, – черный громила заметно потерял интерес к нам, потом развернулся и ушел.

– Это – Заир, – объяснил Юра. – Он сам из Заира, зовут его черт знает как, никто выговорить не может, так и прилепили: Заир, а ему нравится.

– Он здесь с семьей, шесть детей, – Леня уже оправился от объятий. У него жена с ребенком осталась в этом самом Заире, а он здесь. Может на нее денег на билет не хватило. Он тут каждый день по азиюлю ходит, водку клянчит, многие дают.

– А что это за пиво по марке, – поинтересовался я у Филиппа.

– Да вот приторговываем потихоньку, – он повел глазами в сторону, немного смущенный. – В магазине баночка сорок девять пфенингов, а здесь мы по марке.

– И что – берут? – голос выдал мою недоверчивость.

– Берут! Днем, кто хочет, в магазине скупается. А вечером, как догоняться станут, так магазин закрыт, до заправки далеко, вот и берут. И не только я один торгую. Вон – югослав Кристо в 41-ом, еще турки. Пиво, есть еще сигареты, крепкое всякое. В магазине бутылка стоит двадцать пять, а здесь – пятнарик. Берут краденое.

– А есть еще русские в лагере? – поинтересовалась Катя.

– Есть еще пара с Украины: Петя и Наташа. Но они почти не выходят. Она – чокнутая, боится наружу выходить и его не пускает.

День выдался напряженный, завтра предстояли еще поездки, и мы, посидев еще чуть-чуть, пошли назад в нашу комнату.

Ночью мне не спалось. Я смотрел в темноту, в голову шли разные мысли. Что за идиотскую штуку придумали – человеческий мозг? Иной раз нужно что вспомнить, так, сколько не силишься, не помогает. А тут спать надо, а такая чушь в голову лезть начнет... Ворочаешься из стороны в сторону, а они тебя жалят – воспоминания эти, черти бы их взяли! Я не люблю много из прошлого, но куда его засунешь? Не так далеко уж и убежал я от детства: многие сверстники мои еще такими дурными кажутся. Но на плечах уже чувствуется груз. Он давит...

Упрямство – вот тот порок, который стал мне наказанием за «все хорошее», а может и за чьи чужие грешки. По молодости каких глупостей не наделаешь... По упрямству полез в свое время в «бизнес», чтоб его драли те же черти, что и все остальное, вместе с такими же «бизнесменами», как и я сам. Ничего, кроме растрепанных нервов, неприязни ко всему, я не нажил. Хотя нет, как же не нажил? Еще как нажил! Врагов кучу. Доживаешь до того, что перестаешь верить всем, даже друзьям близким. А, впрочем, что я? Все наше поганое общество поделилось при первой возможности на «белых» и «красных». Меня это волновало, правда, не очень. Последний путч – на самом деле лишь первый в длинной цепи грядущих. Всех «за» и «против» рано или поздно сметет ими же раздутая волна, и Бог с ними. Что касается меня, то считаю, что приехал сюда опять драться. Я хочу вернуться когда-нибудь победителем и показать, где раки зимуют, кое-кому из врагов и, особенно, кое-кому из «друзей». Будем драться за новую жизнь и паспорт, как ее символ.

Но, если быть честным перед самим собой, то я во все этом не уверен. Чувствую, что мой мозг, здесь, в Германии испытывает огромную перегрузку от резкого торможения. Представь, что ты идешь по широкому проспекту большого города, где рядом шумят сотни пронесшихся машин, и мелькают тысячи спешащих людей. Ты скован тисками города, урбанизированной жизнью, и хоть и жалуешься слегка, но это – твое нормальное состояние. Однако, стоит резко свернуть в подворотню, зайти в в небольшой дворик, окруженный домами, где растут деревья, стоят садовые скамейки и все сразу меняется. Здесь попадаешь в болото времени, где кажется, что даже воздух, солнечный свет, все звуки застыли. И в этот момент невыносимое давление тишины зовет к возврату в водоворот жизни. Но постоишь или посидишь во дворе и потихоньку почувствуешь прелесть этой тишины, рождающей в теле негу и дающей расслабиться душе. Теперь уже ничего не надо, уже не хочется назад. Я чувствую, что в Германии, попал в такой двор-отстойник, где жизнь нельзя увидеть, нельзя услышать, а можно лишь поддаться неге и созерцать, как она засасывает тебя.

Глупым мыслям поддаваться долго нельзя, я взял Хэмигнуэля.

Заснул я, видя радужный сон: в сиянии лучей стоял большой зеленый и определенно немецкий паспорт с моей фамилией.

Следующую пару дней мы поднимались в семь утра и совершенно сонные таскались в Швальбах проходить всякие формальности. Сначала терзали нас медосмотром. Флюорография, кровь – вся процедура для приезжающих заняла битый час, а потом мы семь часов толка-

лись во все том же битком набитом холле. Озверевший от семичасового ожидания неизвестно чего, я остановил в коридоре немца, который тут много чем распоряжался, и стал злобно на чистом английском языке говорить о том, что все эти процедуры можно было сделать за один раз. И работникам и нам было бы легче. «Легче», согласился служащий, но добавил, что есть инструкция, и ее в Германии не обходят, здесь, мол, не Россия... В этом он прав. Здесь не Россия, хотя дураков явно не меньше. Еще мне указали, что без паспорта я тут вообще никаких мнений иметь не могу, впрочем это обстоятельство до меня уже дошло.

Второй день врезался в память сильнее. Нас повезли уже не в Швальбах, а в другой маленький городок, где по общему мнению и происходит пресловутое интервью.

В комнате за столом сидела полная тусклая блондинка, перед которой стояла пишущая машинка. Там же на столе лежало наше дело. В комнату вошел мужчина и представился переводчиком. Русский у него оказался достаточно корявый. После первых фраз выяснилось, что интервью никакого не будет, что сегодня моя судьба никого еще не волнует, а проблема всего лишь в наших паспортах, которые мы сдали.

– Вы граждане какого государства? – обвинительно уставился на меня переводчик, исковеркав и «граждан» и «государство».

– Советского Союза, к моему глубокому сожалению, – ответил я, потупив взгляд в направлении стола.

– Но Советского Союза нет. Какого нового государства вы граждане?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.